

9. Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс. – М., 2003.
10. Ломброзо Чезаре, Ляски Роберт. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке. – СПб., 2003.
11. Иванич Ю. Наркотики и терроризм: Паутина зла. – М., 2005.
12. Мухин Ю. И. За державу обидно. – М., 2004.
13. Щенников В. П. Терроризм и глобализм // Анализ феномена терроризма. Материалы международной конференции. – Кемерово, 2006.

Горюнов В.П.
Д.ф.н., профессор С-ПбГПУ
(г. Санкт-Петербург)

ТЕХНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном мире техносоциальные процессы влекут за собой не только позитивные перемены, но и целый ряд социальных деформаций, диспропорций, чреватых угрозами насилия и вызовами перспективам развития. Так, совокупная масса ресурсов общества, расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете увеличивается с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнивательском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких условиях не может устранить указанное выше неравенство, “преодолеть” данную техносоциальную формулу, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, т. е. нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе говоря, масса благ для прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы благ для расходуемой жизни. Соответственно, общество пронизывается бескомпромиссной борьбой за существование, результатом которой является установление фундаментального социального отношения “цель–средство”.

Современный мир сверхдинамичен, его сотрясают национальные и религиозные конфликты, социальные столкновения и терроризм. В соответствии с техносоциальной формулой общества это никогда не

кончится, в чем и заключается драматизм человеческого существования вообще. Меняются только исторические формы социальной борьбы. Современные тенденции в ее развитии связаны с тем, что человечество перестало быть дискретным образованием, а столкновения – эпизодическими. Борьба пронизывает всю ткань человеческого общества.

В глобальном мире отношение лидерства и отсталости общностей одновременно предполагает отношение господства и подчинения. Насилие, связанное с ним, страшно своей неотвратимостью. В отличие от природы, где жертва может спрятаться, убежать от преследования, в глобальном мире негде прятаться и некуда убегать, в нем можно только бороться и либо побеждать, либо терпеть поражение. Глобализация надвигается на недостаточно устоявшиеся общности и недостаточно уверенных в себе индивидов, она представляется им источником опасности, грозящей раздавить. По мере увеличения своей массы общество приобретает все более тотальный характер. Деятельность спецслужб, организованная преступность и экстремистский терроризм полностью пронизывают и контролируют общественный организм, делая поднадзорной и уязвимой жизнь каждого человека, которому негде скрыться от этой тайной и явной всепроникающей публичности. Глобальное общество по своей изначальной сути тотально.

В тенденции социальное отношение “цель–средство” приобретает глобальный характер и образует сложную систему межобщностной борьбы за выживание, предполагающую множество уровней и подуровней разделения общностей на цели и средства. На смену стихийной хаотичности разделения общностей на цель и средство в доглобальном мире, приходит системное общемировое взаимодействие глобального мира, в котором отношение “цель–средство” все более опосредуется и людям становится все труднее самоидентифицироваться в мире.

В современном мире возникает новый феномен информационно-технологического колониализма, который начинается с того, что общность (страна) не может самостоятельно использовать доставшиеся ей в силу геоисторических обстоятельств природные богатства в соответствии с возможностями и потребностями мирового уровня материально-технического развития. Казалось бы, в мире должна установиться симметричная взаимозависимость стран: с одной стороны – владельцы сырьевых ресурсов, а с другой – собственники информации и технологии. Но природа богата или бедна не сама по себе как таковая, элементы природы становятся природным богатством в результате человеческой деятельности, в настоящее время – научно-технической. Складывается, на первый взгляд, парадоксальная ситуация, когда, например, некие кочевые племена, не бедные и не богатые, а просто дикие, вдруг становятся обладателями несметных сокровищ только лишь потому,

что кто-то где-то изобрел двигатель внутреннего сгорания, открыл способ перегонки нефти, создал технику для ее добычи на суше и на море и нашел эту самую нефть под принадлежащими данным племенам пастбищами верблюдов. Спрашивается – кто же в таком случае настоящий хозяин богатства? На этот сугубо абстрактный вопрос история дала сугубо конкретный ответ – тот, кто умеет им пользоваться. А тот, на чьей территории оно находится, уже не может ни просто оставить их без внимания и продолжать жить по-старому, ни использовать их без посторонней помощи в качестве рычага воздействия на окружающий мир, шантажировать его. Из колоний давно не вывозят рабов, не организуют рабский труд на месте, колонии перестали быть сырьевыми придатками бывших метрополий.

Модель открытого общества – миф, в действительности такого общества–рынка не существует в силу неравномерности, разноуровневости развития общностей уже по причине исходной дифференцированности естественно-природных условий жизни, которые нивелируются всем ходом научно-технического прогресса, но относительно, не полностью, и первоначальная дифференцированность постоянно воспроизводится в процессе материально-технического развития. Каждая взаимодействующая общность заинтересована во всеобщей открытости в тех областях жизни, в которых она обладает преимуществом и, наоборот, стремится закрыться в сферах, где она оказывается уязвимой при равенстве условий взаимодействия. Иначе говоря, каждая общность желает быть свободной в выборе своего присутствия у других и присутствия других у себя. Отсюда появились государственные границы, таможенные барьеры, налоги, пошлины, квоты и т. п. И чем более высок уровень развития общности, чем более сильны ее позиции в отношениях, прежде всего экономических, с другими общностями, тем в более широкой открытости этих отношений она заинтересована. Для общностей–лидеров принцип открытых дверей есть не что иное, как орудие подчинения менее развитых общностей без применения военной силы. В принципе и война как агрессия – это всего лишь силовой взлом закрытой общности, навязывание ей своих правил игры путем открытого вооруженного воздействия. У более развитых общностей более развита и система правовых и нравственных нормативов (социально-культурный иммунитет) – им свобода не страшна, а то, что представляет опасность, надежно перекрывается. Незрелое в гражданском отношении общество не имеет ни надежного нравственного иммунитета, ни действенной системы правовых нормативов. Поэтому даже свобода духовной жизни (идеологический и прочий плюрализм) оборачивается средством подчинения слабых сильными.

В условиях глобализации разные общности развиваются неравномерно, в силу чего равновесие сил и интересов постоянно нарушает-

ся, система общества разбалансируется и, как следствие, становится неизбежным перераспределение ресурсов жизни. Действие техносциальной формулы в конгломеративном обществе делает невозможной его плановость и общеприемлемую регулируемость; перераспределение ресурсов, как правило, осуществляется насильственным путем, хотя и в разных исторических формах, но в конечном счете путем военного воздействия на конкурентов. Война до сих пор остается решающим аргументом в извечном споре претендентов на места в жизненном пространстве.

Состояние без войны возможно только при большом перепаде уровней материально-технического развития, когда более слабых просто покоряют или уничтожают, как всегда было с коренным населением при вторичном освоении территории; война предполагает отношение равенства и представляет собой вооруженное взаимодействие, а не просто вооруженную акцию одного субъекта против другого. Модель однополюсного мира – это и есть модель общества, в котором на смену войнам пришли военно-полицейские акции.

Одну из форм насильственного утверждения личностей или общностей в социальном (жизненном) пространстве представляет террор как способ целенаправленного насилия и принудительное средство борьбы за существование. Цель террора состоит в устрашении, принуждении противника, жертвы к определенному поведению под угрозой лишения жизни. Это может быть террор завоевания, подавления сопротивления во время оккупации, военные и экономические санкции вплоть до открытой агрессии, уничтожение классового врага в условиях гражданской войны (террор сверху) или революционный, национально-освободительный, экстремистский террор для выхода из подчинения, внеэкономическое и внеполитическое, в том числе вневоенное, насильственное воздействие (террор снизу).

Террор, в отличие от войны, несимметричен в том смысле, что он недостаточно силен для ведения открытой борьбы, террор ведется с одной стороны тайно, замаскированно (партизанский или бандитский террор – в зависимости от оценки его целей), а с другой стороны открыто, явно, ибо точечные удары, карательные спецоперации силами быстрого реагирования и пр. – это тоже терроризм. С обеих сторон главным средством воздействия является превращение обычных, не участвующих в борьбе людей в заложников, с обеих сторон это государственный терроризм, связанный с определенным разделением мира.

Международный терроризм не означает стирания границ общностного разделения, он представляет собой специфическую форму межобщностной борьбы за выживание в условиях глобализации. Международный терроризм является неявным придатком государственной

политики и тем самым качественно отличается от международной преступности.

Глобализация общественной жизни характеризуется расширением транснациональной экономики (материальное основание глобализации), межнациональной организованной преступности и международного терроризма, эксплуатирующего религиозный фундаментализм. Транснациональная экономика складывается на почве клуба лидирующих общностей, занимающих господствующее положение в мире. Межнациональная организованная преступность существует на основе перепада уровней материально-технического развития разных общностей. Международный терроризм проистекает из претензий богатых, но не самостоятельных в информационно-технологическом и военно-техническом плане общностей, претендующих на мировое лидерство. Исходя из этого, определение международного терроризма, как врага всего человечества, недостаточно корректно.

Период традиционных войн, как битв больших масс людей в виде армий, остался в прошлом. В глобальном мире на смену дискретным войнам, складывающимся из ряда отдельных сражений и линий фронтов, приходит тотальная непрерывная война, включающая в себя непрерывную череду локальных конфликтов, террористических актов и полицейских акций, разворачивающихся во всем мировом пространстве, включая космос и подводный мир, и втягивающих все мировое население без разделения на военное и гражданское. Терракт, в отличие от военного действия, персонифицирован по исполнителям, жертвам и требованиям. Впрочем, многие военные действия, например, артобстрелы и бомбардировки городов, носят характер террористических актов.

Терроризм – крайнее выражение войны всех против всех. Она характеризуется всеобщностью, но меняет свои исторические формы. В условиях глобального мира терроризм стал политически организованным и обрел международные масштабы, превратился в один из характерных элементов новой социальной реальности, в которой все отношения настолько переплетены и опосредованы, что классическая прямая и открытая война исчерпывает свои возможности в качестве их регулятора. Государство, как орган, предотвращающий войну всех против всех, в условиях глобализации оказалось бессильным.

Терроризм имеет глубокие исторические корни, это не случайный выброс общественного развития, не социальная аномалия. Сущность социальной жизни не меняется, бескомпромиссная борьба за выживание остается, однако организационные и материально-технические возможности ее ведения неуклонно возрастают. Применительно к отдельному индивиду, простому человеку террор представляет собой дополнительный источник социального давления, к ко-

торому человек должен привыкнуть и научиться с ним жить, как он привык жить с возможностью кражи имущества, нападения бандита или маньяка и т. п. Терроризм, становящийся обыденным явлением окружающей социальной среды и формирующий специфический образ жизни, порождает и новые формы социальных различий в виде различия возможностей обеспечения личной безопасности людей.

В ходе научно-технического развития, прогрессирования материальных средств уничтожения людей террор приобретает все большее распространение и сверху и снизу, он неустраним в принципе, как неустранима борьба за существование насильственными методами, будь то бомбардировки устрашения или диверсионный терроризм, проводимый извне (в данном случае проблема террора представляет собой проблему обороны). Более трудной проблемой является внутренний террор, порождаемый внутренней социальной дифференциацией.

Одно из необходимых условий террора – распространение информации об осуществляемых актах устрашения, поскольку без этого не достигается сама их цель. Каналами распространения могут служить плакаты, листовки, письма, слухи. Противоречивость ситуации здесь заключается в том, что, казалось бы, при перекрытии всех каналов, террор теряет смысл, однако в действительности информацию о терактах распространяют сами органы власти и СМИ, особенно – Интернет. С одной стороны, эту информацию можно рассматривать в качестве инструктивной, подобно сведениям о приближающихся стихийных бедствиях, но с другой стороны она объективно усиливает эффект устрашения. Поэтому представляется обязательным сопровождать ее разъяснением преступной сущности террора и, самое главное, указанием на принятие эффективных мер противодействия, позволяющих гражданам быть уверенными в своей защищенности.